

СТАТЬИ И МАТЕРИАЛЫ

ЖЕВАТЕЛЬНАЯ РЕЗИНКА В ЖИЗНЕННОМ МИРЕ СОВЕТСКИХ ДЕТЕЙ 1960–1980 ГОДОВ (РЕКОНСТРУКЦИЯ ПО СОВРЕМЕННЫМ ВОСПОМИНАНИЯМ)

Б.В. Куприянов

Борис Викторович Куприянов | <https://orcid.org/0000-0002-1041-6056> | bvkupriyanov@yandex.ru | д. пед. н., профессор департамента педагогики Института педагогики и психологии образования | Московский городской педагогический университет (2-й Сельскохозяйственный проезд 4, Москва, 129226, Россия)

Ключевые слова

СССР, Советский Союз, советское детство, жевательная резинка, устная история, мемуары

Аннотация

Изучению жевательной резинки в повседневности советских детей посвящены немногочисленные исследования (К.А. Богданова, В.В. Головина, А.В. Кудряшёва). Однако в освещении этого вопроса остались ниши, требующие особого внимания. В данной работе на основе 50 нарративно-ориентированных полуструктурированных интервью, проведенных в Костроме, Краснодаре, Москве, Рязани в 2020 г., и мемуаров шести авторов о детстве в СССР сделана попытка уточнить границы применения конструкции фетишизации к интерпретации роли “жвачки” в жизненном мире советского ребенка. Результаты исследования подтверждают исключительную субъективную значимость жевательной резинки, ее бытование в качестве предмета товарного обмена. В то же время зафиксированы многочисленные случаи безвозмездного дарения ее детьми. Приключенческие практики криминального приобретения этого “лакомства” в 1960–1970 годы были локализованы в городах – центрах международного туризма и морских портах СССР; в Москве в эти практики были вовлечены мальчики-подростки, и без того имевшие маргинальный статус. Значительная часть московских школьников по убеждению или из страха дистанцировалась от авантюрного предпринимательства. Для детей, проживавших вдалеке от территорий, охваченных международными коммуникациями, фетишизация была существенно ограничена отсутствием у возможности самостоятельного приобретения жевательной резинки.

Информация о финансовой поддержке

Российский научный фонд, <https://doi.org/10.13039/501100006769> [проект № 23–28–00651]

Статья поступила 02.02.2023 | Окончательный вариант принят к публикации 12.05.2023

Ссылки для цитирования на кириллице / латинице (*Chicago Manual of Style, Author-Date*):

Куприянов Б.В. Жевательная резинка в жизненном мире советских детей 1960–1980 годов (реконструкция по современным воспоминаниям) // Этнографическое обозрение. 2023. № 6. С. 192–210. <https://doi.org/10.31857/S086954152306012X> EDN: MPAOAT

Kupriyanov, B.V. 2023. Zhevatel'naia rezinka v zhiznennom mire sovetskikh detei 1960–1980 godov (rekonstruktsiia po sovremennym vospominaniiam) [Chewing Gum in the Life World of Soviet Children in the 1960s–80s (Reconstruction Based on Modern Memories)]. *Etnograficheskoe obozrenie* 6: 192–210. <https://doi.org/10.31857/S086954152306012X> EDN: MPAOAT

*Жизнь замечательных людей
Не замечательней нисколько
Собственной жизни или дней,
Памятных нам самим, и только.*
(ЖЗЛ. О. Митяев)

Более 30 лет назад бывшие пионеры и комсомольцы с разной степенью успешности стали адаптироваться к рынку, включаясь в культурные практики потребления и предпринимательства. Они опирались на свой советский опыт, в том числе на опыт своего сосуществования в системе отношений “человек – вещь”. Новые экономические обстоятельства по-особенному подсветили вещную реальность человека, который “предстает не только как субъект, формирующий свою жизненную среду, но и как объект, изменяющийся под ее воздействием” (Рахманкулова 2005: 2). В качестве вещи, обеспечивающей любопытный ракурс рассмотрения идентичности последних советских поколений, может быть избрана жевательная резинка – своего рода товарный фетиш для советских подростков-мальчиков 1960–1980 годов (Богданов 2015: 69–74). На основании воспоминаний “об уличном ленинградском отрочестве” К.А. Богданов делит “тогдашних своих сверстников (мальчиков) на две категории: фарцовщиков... покупавших или выменивавших резинку у финнов, и тех, кто ее покупал у фарцовщиков”. И добавляет: “Вероятно, были и другие категории – те, кто жевательной резинкой не интересовался вовсе, и те, кому ее привозили родители” (Там же: 81). Теоретическая обстоятельность исследования К.А. Богданова, широкая источниковая база могли бы “закрыть” эту тему. Однако мы попытались отразить неоднозначность факторов, определяющих культурные практики советских детей второй половины XX в., опираясь на специфику выборки: преобладание среди респондентов женщин, проживавших в детстве на территориях, где международные коммуникации были ограничены.

В отношении к жевательной резинке наиболее ярко проявлялись отличия детской субкультуры мальчиков и девочек (межличностное общение, характер игр, собиране “сокровищ” и т.д.) (Головин 2013: 244–249; Осорина 2020: 186). Кроме того, в эпоху позднего социализма в СССР стали наглядно проявляться негативные тенденции в социализации юношей. Так, в письме представителя общественности в ЦК КПСС (1966) среди прочего говорится “о все ухудшающихся нравственных качествах парней”; автор письма озабочен “проявлениями эгоизма, поклонением заокеанским безделушкам и рекламным журналам”. В то же время поведение советских школьниц в эти годы характеризуется порядочностью, трудолюбием, дисциплинированностью (Синицын 2022: 59).

Расширение локального фокуса изучения жевательной резинки обусловлено тем обстоятельством, что это лакомство появляется именно в крупнейших городах СССР, т.е. специфика городского потребления (Бодрийяр 2006: 78, 145) содействует его фетишизации в подростковой и молодежной среде. Рассмотрение провинциальных особенностей этого процесса несомненно позволит уточнить наше знание о жизненном мире советских детей.

Подспорьем для исследования могут служить научные представления о функциях и культурных практиках употребления и приобретения жевательной резинки и пространственно-временные параметры ее бытования, сформулированные на основе анализа материалов детской и педагогической периодической печати 1960–1970 годов (Кудряшёв 2020: 61–65). На фактуре эго-документов показано функционирование вкладышей и оберток жевательной резинки в качестве игровых денег советских мальчиков и девочек (Головин 2013: 245–246, 250, 252–254). Для реконструкции детских культурных практик, возникших в “про-

странстве жевательной резинки”, важно учитывать результаты исследований Л. Мольм, которая “дифференцировала обменные отношения, разделив их на договорные и базирующиеся на взаимности” и уделив особое внимание “реципрокным, или обоюдным, обменам, охватывающим цепочку акторов, встроенных в ту или иную социальную сеть” (Якимова 2011: 71–72), а также теоретические разработки “экономики дара” в современной экономической антропологии (Д. Белл, А. Вайнер) – “изучение стереотипов безвозмездного дарения и разного рода помощи, распространенных в индустриально развитых странах” (Белик 2013: 38). Эти современные методологические подходы позволяют реконструировать практику реципрокных обменов, характерных для детей в СССР.

Общую рамку изучения роли жевательной резинки в жизненном мире советского ребенка помогают очертить тенденции, характерные для 1960–1980-х годов: вестернизация (“западнизация”) и консьюмеризация (утверждение общества потребления) (Иванова 2017: 159; Сеницын 2022: 66–68, 74–79; Ципурский 2013). Действительно, в конце 1950-х годов в СССР началась “вестернизация” еды – мода на европейское и американское, подкрепляемая возможностью привезти те или иные продукты из-за рубежа; в бытовом пространстве советских граждан (в большей мере горожан) появились и закрепились западные пищевкусовые ориентиры (Лебина 2019: 423–431). Употребление жевательной резинки в полной мере соответствовало этой тенденции. В противовес новым культурным практикам и сменившейся государственной политике в области общепита советская пропаганда продолжала формировать представление обо всем западном как о девиации, “маркируемой как проявление социального паразитизма” (Лебина 2015: 419–426). Одним из примеров этого является развернувшаяся “травля” жевательной резинки. Советский подросток, употребляющий жвачку, изображался в прессе карикатурно копирующим поведение типичного американца. Но главное острие критики советских газет было направлено на незаконное приобретение жевательной резинки – покупка (иногда обмен) или выпрашивание у иностранцев (реже у моряков торгового флота) (Кудряшёв 2020: 60, 63–64).

Показательно колебание официального воспитывающего дискурса, касающегося жевательной резинки: от активного осуждения в 1961–1979 гг. к игнорированию после 1979 г.; фактически советская власть сдалась жевательной резинке. Одной из причин этой капитуляции могла стать давка в “Сокольниках” в 1975 г. Трагические события на московском стадионе, с жертвами среди несовершеннолетних были спровоцированы, с одной стороны, раздачей канадскими спортсменами жевательной резинки, а с другой – стремлением чиновников не допустить, чтобы советские дети позорились, выпрашивая у иностранцев жвачку (Богданов 2015: 75; Кудряшёв 2020: 65; Раззаков 2017: 211). Желание правящих кругов СССР продемонстрировать товарное благополучие в ходе Олимпиады-80 в Москве сыграло свою роль в изменении отношения к жевательной резинке (Богданов 2015: 75), однако перед Олимпийскими играми она продолжала оставаться объектом импорта – ввозилась из капиталистических стран (Орлов, Попов 2020: 128).

Для данного исследования важным методологическим ориентиром является изучение вещи в интеграции “практической” (утилитарная функция) и символической (семантика, ритуальные функции, образ в мифе) характеристик (Баранов 2005: 212–214). Для анализа семантики жевательной резинки в жизненном мире советских детей наиболее существенными оказываются культурные контексты, в которые она была включена.

Задачи исследования. В ходе исследования решались следующие задачи:

определить границы применения концепта фетишизации для изучения бытования жевательной резинки в жизненном мире советского ребенка 1960–1980-х годов; охарактеризовать культурные практики за рамками криминального приключения и корыстного обмена; осветить роль жевательной резинки в контексте социализации последних советских поколений.

Хронологические рамки исследования. К.А. Богданов предлагает в качестве начала фетишизации жвачки избрать 1957 г. – год, отмеченный проведением Всемирного фестиваля молодежи и студентов в Москве и “сопутствующими ему послаблениями погранично-визового режима, значительно увеличившими число иностранных туристов в СССР”. Однако отметим, что первая статья в “Пионерской правде”, осуждающая приобретение подростками жевательной резинки, появилась в 1961 г. – описывались события, происходившие в Риге¹ (Кудряшѳв 2020: 64). А в середине 1960-х годов в “Комсомольской правде” началась кампания по борьбе с вестренизированной молодежью, которая порицалась в том числе за незаконную торговлю с моряками-иностранцами “ради полосатых носков и дюжины упаковок жвачки” (Ципурский 2013: 61). Принимая во внимание эти бесспорные факты, рискнем утверждать, что первую волну массового приобщения советских детей к жвачке следует датировать серединой 60-х годов XX в. В определенной мере об этом свидетельствует справка Управления по иностранному туризму при Совете министров СССР, датированная 1967 г., где цитировались высказывания туристки из США: “Почему в Советском Союзе не производят жевательную резинку? <...> Ваши мальчишки постоянно выпрашивают... жевательную резинку” (Васькин 2017: 274). Важно подчеркнуть, что вхождение жвачки в жизнь советских детей растянулось на два десятилетия и при этом имело явно выраженную локальную дифференциацию. Что же касается конца процесса фетишизации жвачки, здесь мы солидаризируемся с К.А. Богдановым: это вторая половина 1980-х годов – эпоха перестройки. Действительно, в это время жвачка становится доступной для значительной части населения страны: отечественная продукция продается свободно, хотя и не везде, “из тени выходят” перекупщики, поэтому многие граждане приобретают и импортную жвачку (Богданов 2015: 74–75).

Методология исследования. Исследование предусматривало сбор и интерпретацию нарративно-ориентированных полуструктурированных интервью (Арапова 2018). В своих ответах на вопросы и в свободных повествованиях респонденты вспоминали свое детство (1950–1980-е годы). Фрагмент интервью, направленный на реконструкцию роли жевательной резинки в жизненном мире советских детей, включал опорные вопросы, призванные восстановить обстоятельства первого употребления этого лакомства (датирование события, источник приобретения, действия участников), его внешний вид, способ приобретения. Вопросы о субъективной значимости жевательной резинки не задавались, но многие респонденты проговаривали свое отношение к ней. Интервьюирование было проведено в 2018–2020 гг. в рамках экспедиций в Рязань, Кострому, Краснодар, в также в Москве и Московской области. Интервью записывалось на диктофон, а затем восстанавливалась стенограмма, которая и становилась объектом изучения. Для подробного анализа и интерпретации были отобраны 50 фрагментов интервью 36 женщин и 14 мужчин. Такой состав респондентов позволяет рассмотреть бытование жевательной резинки в среде советских девочек. В детстве участники опроса проживали: в Москве – 13 человек, в других крупных городах (от 250 до 500 тыс. жителей) – 19 человек, в селах и деревнях – 12 человек, в малых городах и поселках – 6 человек, т.е. в выборке преобладают горожане. В географическом плане выборка выглядит так: преимущественно

это европейская часть РСФСР (более 4/5), однако отдельные респонденты жили в Азербайджанской и Казахской ССР, в Сибири и на Дальнем Востоке. Таким образом, из рассмотрения выпали портовые города и приграничные территории. Фактически ниже анализируются две группы данных, характеризующих ситуацию с жевательной резинкой: это ответы респондентов, проживавших в Москве, где контакты с иностранцами были достаточно частыми, и тех, кто провел свое детство в регионах, ограниченных в таких коммуникациях.

Если опираться на отечественную интерпретацию теории поколений, то получается, что в выборке преобладают (более 2/3) представители “поколения X” (1968–1977 г.р.), а тех, кого можно отнести к поколению “бэбибумеров” (1946–1967 г.р.), – менее трети. Советские бэбибумеры попробовали жевательную резинку в среднем в 13 лет, а представители следующего поколения – поколения X – на три года раньше (в 10 лет).

Материалы полуструктурированных интервью были дополнены сведениями из мемуаров тех, чье детство прошло в крупнейших городах СССР: москвичей С.П. Проскурина (1950 г.р.), П.М. Алешковского (1957 г.р.), М.А. Ширвиндта (1958 г.р.) и К.Г. Цивилева (1965 г.р.), ленинградцев С.М. Миронова (1953 г.р.) и С.С. Гречишкина (1971 г.р.). В воспоминаниях С.М. Миронова и К.Г. Цивилева есть отдельный рассказ, названный “Жвачка” (Миронов 2020: 17–19; Цивилев 2020: 79–86). В мемуарах С.С. Гречишкина жевательная резинка упоминается четырежды (Гречишкин 2020: 12–15, 102–104, 108, 176), а у П.М. Алешковского, С.П. Проскурина и М.А. Ширвиндта – один раз – как иллюстрация к самостоятельным сюжетам (Алешковский 2020: 246; Проскурин 2019: 26–28; Ширвиндт 2018: 112). Представляют интерес отдельные эпизоды художественных произведений, связанные с жевательной резинкой. Речь идет об “Острове неопытных физиков” К.И. Домбровского и о “Мальчике на главную роль” К.Н. Михайловской и М. И. Шамкова.

Тексты интервью и мемуаров изучались с помощью контент-анализа (частотная и нечастотная модели), отдельные предположения формулировались на основе интерпретации текста “методом внимательного чтения”. Обобщение данных интервью позволяет предложить периодизацию употребления жевательной резинки советскими детьми. *Первый этап* (1965–1978 гг.) – 22 свидетельства респондентов, значительная часть которых – москвичи. В этот период товар в СССР массово не производился. Большинство опрошенных (2/3) указывают на то, что жевательная резинка была привезена из-за рубежа (подарки от иностранных делегаций, работа или служба за рубежом, зарубежный туризм и т.п.). *Второй этап* (1979–1986 гг.) – 20 свидетельств². Жевательная резинка производится в Советском Союзе и продается в киосках “Мороженное” и “Союзпечать”; на покупку в сети розничной торговли по месту жительства указали 2/5 участников опроса, 1/3 – по-прежнему получали лакомство из-за рубежа, 1/4 респондентов связывали его приобретение с поездкой в Москву или в Прибалтику. Половина опрошенных первое употребление жвачки отнесли к периоду 1975–1981 гг.; эти данные соответствуют широкому распространению лакомства, к тому же, как указывает К.А. Богданов, к 1977 г. “символическая ценность жевательной резинки в подростковой среде достигает своего пика” (Богданов 2015: 74–75).

Из марок импортной жевательной резинки респонденты называют “Wrigley’s Spearmint”, “Love is”, “Bomby Bom”, “Turbo”, польский “Лёлик и Болик”, из отечественных – “Ну, погоди” и “Три поросенка” (Таллиннской фабрики “Kalev”), продукцию фабрики “Рот Фронт” (клубничная, апельсиновая, малиновая, кофейная и мятная). Респонденты хорошо помнят, сколько стоила жевательная резинка в официальной торговой сети: кубик (в форме “ириски”) импортного

или отечественного производства – 15–20 коп., упаковка с пятью пластинками советского производства – 50–60 коп. На рынке (“с рук”) жевательная резинка стоила 1–3,5 руб. (ПМА 1: Муравьев; ПМА 4: Литвинцева). Для одних лакомство было “дорогим” или “очень дорогим”, для других – “не дорого – всего 15 копеек”, “мы могли себе это позволить” – все зависело от достатка семьи.

Очарованность и одержимость жевательной резинкой

*Подумаешь, соломенная шляпка!
Безделица какая-то и тряпка...*

(Песня о соломенной шляпке. Б. Окуджава)

О том, что жевательная резинка действительно была символическим капиталом (П. Бурдые), фетишем в жизни некоторой части советских детей свидетельствует воспоминание К.Г. Цивилева: слухи о продаже “фирменной” жвачки в киосках “Мороженое” 1 мая привели к столпотворению подростков в этот выходной день возле павильонов (Цивилев 2020: 79). Для характеристики этого кондитерского изделия участниками опроса, даже спустя десятилетия, использовались эпитеты: “невероятное”, “восторг”, “чудо”, “сокровище”, “хит начальных классов, начала 80-х”. Респонденты отмечали, что употребление жевательной резинки было “овеяно ореолом вожделенности... продукт был редким и желанным среди детей” (Ширвиндт 2018: 112; ПМА 1: Балабанова, Ефремов; ПМА 3: Бабкова, Бурова).

Обратимся к предпосылкам фетишизации жевательной резинки в жизненном мире советских детей:

– прежде всего, *соответствие лакомства детской психофизиологической потребности что-то жевать*. Не знавшие жевательной резинки советские дети жевали битум, смолу деревьев и даже оконную замазку (Миронов 2020: 18; Раззаков 2017: 211; ПМА 1: Аристова, Красицкая; ПМА 3: Гинц, Манохина);

– *необычные вкус и аромат*, несомненно привлекавшие детей (ПМА 1: Балабанова; ПМА 2: Ефремова; ПМА 3: Бабкова, Бурова, Гинц и др.): “вкус ее был совершенно необыкновенным – смесь клубники, банана и ванили” (Гречишкин 2020: 14). Вспоминая сегодня вкус жевательной резинки, респонденты используют выражения: “натуральный” (ПМА 2: Печкур; ПМА 3: Нельзина); “нравился процесс жевания чего-то мягкого, ароматного... свои восторженные эмоции... помню до сих пор” (ПМА 3: Бабкова); “жевательная резинка была не такая, как сейчас... она была фруктовая” (ПМА 1: Муравьев). Это восторженное удивление от вкуса, которое участники опроса сохранили в памяти, объясняется, скорее всего, тем, что советские люди не были знакомы с пищевыми добавками, которыми пользовались за рубежом. Действительно, компании – изготовители жевательной резинки уделяли большое внимание вкусу изделия: резинка “Donald” выпускалась с комбинированным фруктовым вкусом (“тутти-фрутти”), “Turbo” – с ароматом персика, позже и других фруктов, “Love is” содержала два вкуса (“любовь двух фруктов”) и т.д. Справедливости ради нужно отметить, что не все вкусы воспринимались одинаково, так, мятный нравился далеко не всем детям (ПМА 1: Аристова);

– возможность *достаточно долго* использовать жевательную резинку (особенно импортную), – изделие длительное время не теряло вкуса: “ее можно жевать столько, сколько захочешь, пока не надоест”; “жуешь долго-долго... вытатишь, в бумажку завернешь, а потом пройдет какое-то время опять жуешь, пойдешь гулять и жуешь жвачку, ну казалось, это классно, здорово”; “могла

целый день жеваться” в отличие от привычных конфет (ПМА 1: Костылева; ПМА 3: Бабкова, Макарова). Одну пластинку жевали месяц, приклеивая на ночь к нижней части парты (*Ширвиндт* 2018: 112).

Однако даже рассчитанная на длительное употребление импортная жевательная резинка рано или поздно теряла свой вкус. Тогда вступали в силу советские культурные практики многократного использования вещей (*Васькин* 2017: 185–187). В условиях дефицита советские дети изобретали способы продления времени эксплуатации изделия: “если изжевывалась, то да, макали в варенье и снова жевали, если она оставалась тянучей” (ПМА 1: Костылева; ПМА 2: Околов). В воспоминаниях отражаются и такие культурные советские практики, как сугубая бережливость (на ночь лакомство убрали в холодильник, клали в холодную воду, употребляли небольшими частями, растягивая удовольствие [ПМА 2: Киселев, Крупина; ПМА 3: Бабкова]), создание запасов (при возможности жвачку старались запастись впрок) (*Гречишкин* 2020: 176);

– *пластичность* жвачки (возможность растягивать, надувать пузыри, ничего аналогичного в советском пищевом не производилось [*Богданов* 2015: 80]). Фактически советским детям жевательная резинка представлялась “не... лакомством, а какой-то необыкновенной забавой”; “старались ее растягивать... такими веревками... пожуешь и попытаешься растянуть – ох, красота”; “было прикольно, особенно пузыри из нее надувать”; “самой впечатляющей была та жвачка, которую можно надуть, это было забавно, интересно” (ПМА 1: Костылева; ПМА 3: Бабкова, Бурова; ПМА 4: Литвинцева);

– *разнообразие форм* импортной жевательной резинки. Они производились в виде сигареты, шарика, кубика, пластинки (ПМА 1: Красицкая; ПМА 2: Ситникова, Шушунина; ПМА 3: Голованова, Ермошина, Подгорная);

– *броская упаковка* также способствовала созданию привлекательного образа заморской диковинки: “красивого цвета, в разноцветной обертке, разной формы, яркая”; “ярко фиолетовая с золотистыми по краям окантовками обертка, очень красивая” (ПМА 2: Ефремова, Красицкая; ПМА 3: Гинц, Маляренко).

Кроме самого кондитерского изделия в упаковке был “вкладыш” – яркая картинка, выполненная на особой бумаге. Так, на вкладышах “Turbo” были фотографии автомобилей, мотоциклов, иногда других транспортных средств, у “Donald” – истории из диснеевских мультфильмов, у “Love is” – юмористические изображения взаимоотношений мальчика и девочки (шутливые образы любви). Вот как это вспоминают респонденты: «...жвачка была... с вкладышем, для нас это было в диковинку», “Bubble Gum” была... с Микки Маусом... “Turbo” – ...с автомобилями, на которые было интересно посмотреть, ведь таких машин у нас никогда не было»; “вкладыши нравились, даже больше, чем жвачка” (ПМА 1: Муравьев, Шиварева; ПМА 3: Епремян).

Найдены подтверждения демонстративного употребления жевательной резинки (*Богданов* 2015: 82) для поддержки статуса среди сверстников: “это было модно”; “считалось очень круто, если у кого-то была жвачка”; “можно было хвастаться среди одноклассников” (ПМА 1: Борисов; ПМА 2: Киселев, Н.И. Молторенко; ПМА 3: Таныгина).

Однако нужно признать, что далеко не для всех советских детей жевательная резинка становилась “тотемом”: “жвачке я предпочитала конфеты”; “не люблю жвачки и никогда не любила”; “я ее не любила”; “относилась к этому очень равнодушно”; “фанатизма к жвачкам не было, хоть они мне и нравились”; “я бы не сказала, что это любимое мое лакомство” (*Богданов* 2015: 81; ПМА 1: Аристова, Реснянский; ПМА 3: Илюхин, Подгорная, Сысоева, Макарова, Удод; ПМА 4: Самойлова). Среди тех, кто индифферентно относился к употреблению жевательной резинки, преобладали девочки.

Жевательная резинка и монетарные практики советских детей

*Их тяжёлая юность прошла
Вдалеке от вещей,
Тех, которые так переполнили
Доверху нас.
(Я получил эту роль. Ю. Шевчук)*

Причиной превращения жевательной резинки в обменный фетиш советских детей содействовала сама практика детского обмена – «завидев товарища, играющего с какой-нибудь новой интересной штуковиной, мы сразу говорили: “Круто! На что меняешь?”» (Михайловская, Шамков 1979: 101); “...ходовым объектом бартера оставалась жвачка” (Гречишкин 2020: 102). Именно жевательная резинка оказалась наиболее конвертируемой из всех привлекательных для детей вещей (Богданов 2015: 82).

Яркие и привлекательные вкладыши от импортной жевательной резинки стали объектом обмена, покупки и азартных игр. Нельзя сказать, что до этого в Советском Союзе не было соответствующих детских субкультурных практик – были и “орлянка”, и “расшибалочка”, и “пристенки”, и другие. Однако обертки и вкладыши оказались наиболее сообразными этой социокультурной функции. Младшие школьники ими менялись, покупали их друг у друга, коллекционировали; причем, как вспоминают очевидцы, “это какой-то бум был”. Вкладыши оценивались в детском сообществе в зависимости от степени престижности (дефицитности), учитывались физические параметры (размер и вес), материал или место изготовления, эстетичность исполнения (Головин 2013: 245; Раззаков 2017: 217; ПМА 1: Аристова, Костылева; ПМА 2: Киселев). Культурные практики обмена, покупки и азартных игр обеспечивали реализацию детьми права собственности на эти предметы. Вкладыши становились “детской валютой”, обладавшей стоимостью и полезностью, имеющей свой денежный эквивалент и курс конвертации (Головин 2013: 244–249). Не совсем линейно и прямо (в отличие от взрослых аналогов) вкладыши реализовывали такие социальные функции денег, как ликвидность, платежеспособность, накопляемость, они могли рассматриваться в качестве сокровищ. Эти игровые деньги становились объектом долговых отношений, наследования и краж (Головин 2013: 251–254; Осорина 2020: 186).

Не только вкладыши, но и сама жевательная резинка выполняла функцию “сокровища”, а следовательно, также могла стать объектом кражи: “когда Дэн уехал домой, я в ужасе обнаружил, что весь мой неприкосновенный запас жвачки Donald, который лежал на полке в детской комнате, бесследно исчез. Естественно, моя дружба с Дэном закончилась” (Гречишкин 2020: 176). Жевательная резинка использовалась и как эквивалент денег (напр., выполняла функцию оплаты услуги). В воспоминаниях М.А. Ширвиндта есть эпизод, когда подросток жевательной резинкой подкупает одноклассницу, которой было поручено следить за его поведением и доносить завучу (Ширвиндт 2018: 112), а одна из респонденток отмечает, что за жвачку можно было приобрести возможность списать домашнюю работу у отличника (ПМА 1: Костылева). Собранные полевые материалы и проанализированные мемуары не подтверждают факты, изложенные в “Пионерской правде” (Кудряшёв 2020: 62), – об использовании жевательной резинки для подкупа школьниками хулиганов (чтобы компенсировать недостаток физической и нравственной силы), хотя полностью отрицать вероятность этого нельзя.

Производители жевательной резинки с помощью вкладышей стимулировали продажи, поскольку перед детьми открывались новые возможности в коллекционировании. Этот маркетинговый прием срабатывал и в ситуации дефицита – не по-советскому яркие вкладыши жевательных резинок не просто обеспечивали культурные практики коллекционирования (Кудряшёв 2020: 62), но и создавали ажиотаж: “мы, конечно, грезили этими жвачками, потому что в них были интересные цветные вкладыши с сюжетами мультфильмов, позже с автомобилями. Мы их собирали, коллекционировали, менялись друг с другом” (ПМА 1: Костылева); “не помню, как ее опробовала, не помню свои ощущения, но я помню, что у меня остались эти фантики, я их очень долго хранила” (ПМА 1: Аристова).

Дефицит жевательной резинки не только способствовал ее фетишизации (возникло стремление обладать ею), но и подвигал часть подростков к использованию практик незаконного или, по крайней мере, общественно порицаемого ее приобретения (Васькин 2018: 274): к покупке импортных образцов жвачки у швейцаров столичных гостиниц, где проживали иностранцы; к торговле на толкучке в подземном переходе на пересечении ул. Горького и пр. Маркса. “Это были, как правило, очень brutальные ребята, драчуны и хулиганы, из неблагополучных семей, они не боялись. Но единственная проблема: у них не было денег, поэтому в течение дня они отнимали карманные деньги у младших и слабых” (ПМА 3: Филимонов). Действия по приобретению импортных товаров были сопряжены с многочисленными рисками: с поимкой милицией, общественным осуждением по месту учебы, родительскими наказаниями, столкновениями с конкурентами (Кудряшёв 2020: 60, 63, 64). Подростками – добытчиками жевательной резинки двигали склонность к неизведанному, стремление к опасностям и риску, к игре с судьбой, к обретению славы и переживанию эмоций героя. Совокупность этих обстоятельств может быть квалифицирована как “подростковое приключение” (Куприянов 2011: 250–251; Турыгин, Миновская 2017: 219–220). Это приключение для его участников субъективно, скорее всего, было сродни игре в разбойники, в которой экзистенциально важно было ощущение свободы, не исключается и притягательность романтики воровского мира (Куприянов, Кудряшёв 2021). Кроме этого, приобретение жевательной резинки могло обуславливаться двумя мотивационными факторами: “стремлением пополнить собственные запасы” (Богданов 2015: 81) и собственно заработком. Есть основания полагать, что развитие предпринимательской позиции части последнего советского поколения происходило за счет участия в таких культурных практиках, как игра в фантики и “школьная фарцовка” (покупка или обмен у иностранных туристов жевательной резинки или других “ценностей” с последующей перепродажей в школе) (Головин 2013: 241). Для большинства же учеников московских школ конца 1960-х годов криминальные способы приобретения импортных товаров были неприемлемыми, а подростки, совершавшие подобные проступки, исключались из круга общения сверстников (ПМА 3: Подгорная). На школьников ощутимое влияние оказывала кампания 1961 г. по борьбе с валютчиками и фарцовщиками (ПМА 3: Филимонов).

В повести К.Н. Михайловской и М.И. Шамкова описываются два варианта обмена с использованием жевательной резинки: корыстный – с предложением махнуть на что-нибудь “ценное” и бескорыстный – дарение другу (Михайловская, Шамков 1979: 101–103). Реконструкция второго варианта – реципрокного обмена – расширяет наши представления о жизненном мире советских детей.

Жевательная резинка как объект дарения

*Чтоб дружбу товарищ пронес по волнам,
Мы хлеба горбушку – и ту пополам! <...>
Тебе – половина, и мне – половина!*
(Товарищ. А. Прокофьев)

Было бы ошибочно рассматривать жевательную резинку исключительно в контексте корыстного обмена, наоборот, лакомство становилось у советских детей объектом генерализованной реципрокности (М. Салинс) – безвозмездной помощью-распределением тем сверстникам и более младшим, которые “заведомо не смогут отдарить” (Белик 2013: 39).

Часть респондентов (2/5) на вопрос “При каких обстоятельствах Вы впервые попробовали жевательную резинку (жвачку)?” отвечали: “Угостили/угощали” или “Делились”. Пример показывали взрослые, приезжавшие из-за границы: в качестве небольших презентов они привозили жвачку. В позднесоветский период жевательная резинка стала актуальным объектом дарения (ПМА 1: Красицкая, Шиварева; ПМА 3: Макарова, Пикалёва). Угощали друг друга одноклассники и ученики разных классов одной школы (ПМА 1: Костылева; ПМА 2: Подгорная; ПМА 4: Самойлова). С.С. Гречишкин, несколько педалирующий контекст материальной выгоды в своих воспоминаниях, пишет:

Один раз мне сильно повезло. ...со мной разговаривал добродушный девятиклассник Миша... Я поведал, как трудно в последнее время выменять “Дональда”. На что Миша сказал, что у него есть целый блок жвачки и что он мне принесет. Я не поверил, конечно. Но на следующий день он подошел ко мне и подарил целую пачку настоящей привозной Wrigleys. Это была незабываемая щедрость (Гречишкин 2020: 104).

Подобная история встретила нас в интервью одной респондентки: «мне перепадала жвачка от каких-то приятелей, либо во дворе, либо в классе. Помню одноклассник мне подарил целую пачку жвачки “Wrigley’s Spearmint”» (ПМА 3: Бабкова).

Кроме одноклассников агентами безвозмездного дарения становились близкие друзья, соседи (сверстники и взрослые), приятели во дворе: “Туляем во дворе... К одной из девочек приехали гости, я думаю, из Москвы... Она выходит и показывает жвачку на ладони, мы все начали у нее просить. Девочка угостила нас этой жвачкой” (ПМА 2: Шушунина). В интервью участников опроса относительно дарения жевательной резинки используются безличные конструкции (“кто-то угощал”, “кто-то привозил”) либо обобщения (“все друг другу передавали, угощали”). В то же время респонденты отмечают: “Если тебя кто-то угостил жвачкой, это было каким-то особым даром” (ПМА 1: Реснянский). В некоторых классах или приятельских компаниях юных москвичей “существовало негласное правило: если ты вдруг становился счастливым обладателем жвачки, то немедленно тащил пачку-другую в класс и раздавал товарищам, иногда деля пластинку пополам, чтобы досталось всем” (Алешковский 2020: 246) – эту ситуацию советские писатели изображают как само собой разумеющееся проявление мальчишеской дружбы (Домбровский 1966: 70; Михайловская, Шамков 1979: 102).

Существовали и специфические практики обмена и “дележки”. Так, в рамках переписки со сверстниками из других стран, в подавляющем большинстве социалистических, пересылались различные сувениры, в число которых зачастую входила и жевательная резинка (“жвачка мне пришла в посылке от девочки по переписке из ГДР”; ПМА 2: Болдырева). Советские дети честно делились запо-

лученным лакомством. Наши респонденты вспоминают: “делили одну жвачку на несколько частей”; “могли друг с другом делиться жвачкой... половину я ей отламывала, а половину себе”; “делили пополам, откусывали друг у друга” (ПМА 3: Таныгина; ПМА 2: Антонова, Сейидова, Шушунина).

В детском фольклоре интересно переплетались желание употреблять жевательную резинку и желание делиться ею с окружающими. Один из респондентов рассказал характерную “байку”:

...была какая-то жвачка, которую можно было бы жевать, и она увеличивалась в размере. А это было неспроста, потому что в то время, если кому-то удавалось заполучить жвачку, то было не зазорно поделиться с другом, дать ему пожевать. Так вот мы мечтали о том, что любой друг мог бы поделиться с тобой, оторвать кусочек, которым ты бы впоследствии делился с другими (ПМА 1: Ефремов).

Вполне естественно для советских детей при виде жевательной резинки звучала просьба товарища “Дай дожевать!” (*Ширвиндт* 2018: 112). Свойства жевательной резинки породили культурную практику “дожевывания”: “было не зазорно поделиться с другом, дать ему пожевать”; “одну резинку жевали целой компанией”; “жевали друг за другом – один пожевал, дает другому пожевать, то есть на несколько человек хватало этого вкуса”; “могли жевать целый день, еще и приклеить ее вечером на бумажку, утром еще встать, пожевать”; «жвачка могла пройти по кругу, по очереди по 10 раз, говорили: “Дай пожевать”, пережевывали друг за другом, хранили ее... чтобы пожевать завтра» (ПМА 1: Аристова, Ефремов, Красицкая, Костылева; ПМА 3: Манохина, Макарова, Филимонов; ПМА 4: Самойлова).

Жевательная резинка в контексте вестернизации

*Ковбой – герой волшебных снов
Меня волнуешь ты, не скрою...*

(Ковбой – герой волшебных снов. Ю. Ким)

Приобретению жевательной резинкой статуса фетиша в жизненном мире советских детей 1960–1980-х годов несомненно содействовало то, что это кондитерское изделие выступало символом зарубежья, Запада. Кроме того, оно вписывалось в наметившуюся в СССР тенденцию вестернизации еды (*Лебина* 2019: 419, 425–431). Жевательная резинка была своего рода символом другой, недоступной советским людям жизни и неотъемлемой частью образа иностранца. Детский писатель К.И. Домбровский в своей книге “Остров неопытных физиков” так описывает американских моряков:

Морячки... жевали... Морячок переложил жвачку за другую щеку... Морячки стояли молча и продолжали жевать свою жвачку... Американский морячок... развернул один пакетик и показал, как надо обращаться с жевательной резинкой. Он энергично двигал челюстями и старался изобразить на своем простецком лице предельное удовольствие (*Домбровский* 1966: 66–69).

Мода на жевательную резинку приводила советских детей к невыгодным сравнениям и выводам о превосходстве качества и разнообразия импортных товаров над отечественными (*Рейли* 2015: 292). Привезенную из-за границы жевательную резинку характеризовали так: “роскошь... дефицит” (*Ширвиндт* 2018: 112); “цветомузыка вкусов у меня во рту контрастировала с унылостью пейзажа за окном... после того, как я попробовал жевательную резинку [возникло] чувство за-

висти к детям из дальних стран: там могли жевать такую резинку каждый день” (Гречишкин 2020: 14–15). В воспоминаниях о жевательной резинке очень часто встречаются сравнения зарубежных и отечественных изделий в пользу первых: “импортная долго вкуса не теряла, была и ароматная, и сладкая... советская так долго вкуса не держала... советские... были такие жесткие, тяжело жевались, надо было приложить усилие, чтобы их разжевать, быстро изжевывались” (ПМА 1: Костылева); “советская жвачка... мне тогда жутко не нравилась, была очень жесткой” (ПМА 3: Епремян); “появилась наша... но по сравнению с импортной ты ее чуть-чуть пожуюшь, она уже как резина” (ПМА 1: Красицкая); “наши, советские... были похожи на каучук. Липучая такая, вязкая, пристаёт, когда ее жуешь и потом превращается в какую-то бесформенную массу, после нее оставалось искусственное послевкусие” (ПМА 3: Нельзина); “купил... советскую жвачку, апельсиновую. ...была плохого качества: плохо жевалась, во рту распадалась” (ПМА 3: Маляренко); “запах был вкусный и насыщенный, ну и вкус, не то что продавали в наших магазинах” (ПМА 3: Гинц); “жевательную резинку впервые привез родственник из Германии, потом покупали советскую, но ее вкус даже близко не был так хорош” (ПМА 2: О.С. Молторенко); “[если] советскую... жевать можно было только один день, то эту можно было жевать неделю, хранить и брать опять жевать” (ПМА 4: Литвинцева); “если была возможность купить импортную жвачку, покупали импортную” (ПМА 3: Манохина). Жевательная резинка вписывалась в волшебный мир импортных вещей, который был так притягателен для советских школьников, столкнувшихся с этим миром и очарованных им: «я лишь хотел много иностранных фломастеров, карандашей, разноцветных стирательных резинок и наклеек. <...> Хотел отдельную комнату, цветной телевизор... сладостей – “Киевских” тортов, шоколадок, пепси-колы, “Дональдов”» (Гречишкин 2020: 108). Принадлежность жевательной резинки к иномиру зарубежья, явно превосходящего СССР, можно проиллюстрировать сомнениями советских школьников в конце 1970-х годов: «Скорее китайцы в космос полетят, чем “Рот-Фронт” жвачку начнет выпускать» (Цивилев 2020: 80).

Формированию образа жевательной резинки как *заморской диковинки* в сознании советских детей содействовала культурная практика приобретения родственниками или близкими за рубежом этого кондитерского изделия для последующего дарения детям. В текстах интервью зафиксированы следующие *источники приобретения* импортной жвачки (ПМА 1: Красицкая; ПМА 2: Ефремова; ПМА 3: Епремян, Голованова, Илюхин, Подгорная, Филимонов; ПМА 4: Самойлова; Раззаков 2017: 211):

- *работа или военная служба за рубежом* (“папа работал в Германии”; “соседи работали в Африке по контракту”; “родители работали в Анголе”; “приятель родителей из командировки во Францию”; “брат папы работал на рыболовецком судне, по всему миру ездили”; “возвращались из армии ребята, которые служили за границей”; “дядя служил в Польше”; “сосед служил во внешней разведке”; “мой старший брат служил в армии за границей”; “родители подруги работали в Англии в дипкорпусе”);

- *туристические поездки за рубеж* (“привозили родственники из-за границы”; “родители одноклассницы поехали в Болгарию и привезли”; “родители вернулись из-за границы”; “привез родственник из поездки в Германию”; “из Алжира привезли родственники”; “папин ученик привез из Египта”; “друг ездил в Болгарию”; “сама в 10 классе привезла из поездки во Францию”);

- *общение с иностранцами в СССР или переписка с зарубежными друзьями* (“получила по почте от девочки – подружки по переписке из ГДР”; “участники иностранной делегации раздавали во Дворце пионеров”; “на зарубежной выставке в Москве”).

М.А. Ширвиндту жевательную резинку в подарок из-за рубежа привозил дядя – известный архитектор, С.С. Гречишкину – подарила родственница, вышедшая замуж за гражданина Судана. С.М. Миронов впервые попробовал жвачку благодаря поездке в г. Лиепая – лакомством угостила родственница, работавшая в морском порту. С.П. Проскурину жевательная резинка была подарена участницей финской делегации, посещавшей пионерский лагерь.

Как уже было отмечено выше, в “Пионерской правде” – главном подростковом периодическом издании была развернута настоящая “травля” жевательной резинки. Советские пропагандисты видели в потребителе этого продукта хрестоматийный образ американца – идеологического врага Советского Союза (Кудряшёв 2020). Однако взрослые, привозившие из-за границы жевательную резинку, на бытовом уровне преодолевали официальные идейные установки. В воспоминаниях респондентов не обнаруживается следов пережитого чувства вины за коллекционирование предметов, чуждых советскому пионеру. Такое отношение навязывалось воспитывающим дискурсом, но либо не воспринималось читателями “Пионерской правды” (Там же: 63), либо стерлось в сознании.

Жевательная резинка как индикатор социального неравенства в СССР

*У нее, у нее на окошке – герань,
У нее, у нее – занавески в разводах,
У меня, у меня на окне – ни х...,
Только пыль, только толстая пыль на комодах...
(У нее все свое. В. Высоцкий)*

Культурные практики, связанные с приобретением и потреблением жевательной резинки, несомненно, обогащали представления советских детей о социальных отношениях (в том числе о социальном неравенстве в СССР). Образ жевательной резинки, хотя и не всегда осознанно, связывался с социальным статусом и материальным благополучием: “Дядя... работал по снабжению, зам. министром по торговле был... у них [дома] был такой ящичек в тумбочке в спальне, и там жвачки лежали” (ПМА 2: Титова); “чтобы купить [жевательную резинку] обычный советский человек должен был для начала стать необычным советским человеком” (Цивилев 2020: 80). Образ жвачки отражал и имущественные различия: “Люди жили по-разному – кто-то побогаче, кто-то победнее, конечно, такой сильной (как сейчас) градации не было, но семьи отличались: у кого-то много детей было, так что не могли себе позволить” (ПМА 1: Костылева).

Доступность жевательной резинки была связана с поездками за рубеж либо по работе, либо в качестве туриста, а следовательно, и с привилегированным положением. Привозились и собственно лакомство, и “чеки”, на которые можно было “отовариться” в специализированных магазинах “Березка” (Цивилев 2020: 80). Действия моряков торгового флота, которые могли купить резинку за рубежом или реализовать чеки в магазинах “Альбатрос” – аналоге “Березки”, можно отнести к этому сценарию (Кудряшёв 2020: 65).

Кроме того, жевательная резинка олицетворяла социальное и культурное неравенство между различными регионами страны: между обеспеченной столицей и находящимися на особом положении прибалтийскими республиками и испытывавшей дефицит самых разных товаров провинцией, между прогрессивным городом и отстающим селом. “В Москве... можно было купить... в Рязани этого ничего не было... Из Москвы возили все. ...в Рязани не было практически ничего” (ПМА 1: Аристова). Жительница д. Шлыково Костром-

ской области впервые попробовала жевательную резинку благодаря брату, который привез лакомство из Таллина (ПМА 2: Рагулина). Подростки, проживавшие в портовых городах, чтобы “разжиться жвачкой”, отправлялись в порт... (Миронов 2020: 18–19).

Приобретение жевательной резинки связывается в мемуарах и воспоминаниях наших респондентов с фарцовкой: “можно было купить только у фарцовщиков”; “импортную... фарцовщики продавали”; “у перекупщиков ее покупали”; “приезжал молодой парень, который перепродавал, мы у него покупали”; “ездили на барахолку и покупали заграничные вещи или жевательную резинку” (ПМА 1: Балабанова, Борисов; ПМА 2: Смирнова; ПМА 3: Корнеева, Манохина, Таныгина). Существовал еще один экзотический способ приобретения – покупка у цыган (ПМА 3: Корнеева; Цивилев 2020: 80).

Культурные практики приобретения жевательной резинки “просвещали” советских детей о такой стороне социальных отношений в обществе товарного дефицита, как “блат” (знакомства): “нужно было искать того, кто может через кого-то где-то достать... сначала нужно было найти тех людей, которые могут достать, выйти на тех, кто может ее достать” (ПМА 3: Гинц). Еще одна реальность советской жизни – очереди и ограниченность отпуска товара “в одни руки” (Раззаков 2017: 215–216). Вот типичная картина тех лет: “Стояла очередь, человек 100, наверное, поштучно или по две штуки продавали [жевательную резинку]” (ПМА 2: Титова).

* * *

Антропологическое исследование роли жевательной резинки в жизненном мире советских детей предусматривает реконструкцию ее пространства (возникающих социальных связей и отношений) и редукцию ее социального значения. Анализ предпосылок фетишизации жвачки среди части подростков в СССР свидетельствует о взаимосвязи практического и символического аспектов бытования вещей, об обусловленности социального статуса утилитарными свойствами изделия. Физико-химические свойства жевательной резинки обеспечивали физиологическое удовольствие за счет удовлетворения потребностей в длительном жевании, в оральных забавах, в удивлении (вкус, аромат, пластические свойства, яркость упаковки).

Детские практики, связанные с жевательной резинкой, органично встроились в существовавшие ранее социальные и культурные конструкции (практики безвозмездного обмена и монетарные практики, практики коллекционирования). Обертки и вкладыши оказались объектами, подходящими для бартера, покупки/продажи и азартных игр, заменив конфетные фантики, а среди части советских детей они обрели функцию денег (обладали ликвидностью, выступали средством платежа и накопления, становились сокровищем, объектом долговых отношений, краж и наследования). В то же время в рамках специфической детской субкультуры жевательная резинка была и объектом безвозмездного дарения, а норма делиться с окружающими сверстниками, существовавшая в детских сообществах, породила своеобразную культурную практику дожевывания, жевания по кругу.

Анализ полевых материалов и мемуаров позволил уточнить представления о стратегиях приобретения и употребления жевательной резинки до массового ее распространения. Наиболее часто встречалась стратегия *регулярного инфантильного потребления* (характерна для детей разного возраста и пола), детерминированная фактической невозможностью самостоятельно добыть желанное лакомство, предусматривавшая ожидание подарка, уравнительное распределе-

ние жвачки. Много общего с первой стратегией имела стратегия *ситуативного инфантильного потребления*, когда получение жевательной резинки было связано с единичными случаями (неожиданным даром). Стратегия *индифферентного отношения* к жвачке выражалась в субъективной незначимости ее потребления, хотя и не означала сознательного отказа (эта линия поведения была более характерна для девочек). Наиболее яркой являлась стратегия *криминального приключения* (авантюрного предпринимательства), свойственная подросткам-мальчикам, проживавшим в местах активной международной коммуникации (туристические и политические центры, центры внешней торговли, территории присутствия иностранных специалистов).

Способы потребления этого кондитерского изделия вобрали в себя специфические культурные практики населения СССР: многократное использование одной и той же вещи (различные приемы продления времени эксплуатации), бережливое использование, создание запасов.

Жевательная резинка стала для советских детей своего рода символом Запада, наглядно иллюстрирующим превосходство качества и разнообразия импортных товаров над отечественными. Мода на жвачку, привезенную из-за рубежа, с одной стороны, вносила свой вклад в формирование привлекательного образа зарубежного потребительского рая. С другой стороны, желание обладать лакомством приводило к осознанию детьми ряда аспектов реальной жизни: трудностей в приобретении товара, ограниченного доступа к нему, существования различных типов социального неравенства в стране. Процессы вестернизации и консьюмеризации в СССР стимулировали потребление жевательной резинки советскими детьми, однако используемые при этом культурные практики стали модификацией традиционных устойчивых способов поведения.

Собранный эмпирический материал не позволил в полной мере осветить различия в оценке детьми жевательной резинки (в зависимости от формы, вкуса, вкладыша и т.д.), охарактеризовать практики “школьной фарцовки” и модели взаимодействия школьников-фарцовщиков с представителями правоохранительных органов.

Примечания

¹ Рижский морской порт представлял собой к началу 1960-х годов крупный центр международной торговли, через который в СССР поступали экспортные товары.

² Часть респондентов не смогли точно вспомнить, когда впервые попробовали жевательную резинку.

Источники и материалы

Алешковский 2020 – Алешковский П.М. Секретики. М.: АСТ, 2020.

Гречишкин 2020 – Гречишкин С.С. Все нормально: жизнь и приключения советского мальчика. М.: Захаров, 2020.

Домбровский 1973 – Домбровский К.И. Остров неопытных физиков. М.: Детская литература, 1973.

Миронов 2020 – Миронов С.М. Серёга. М.: БИНОМ; Лаборатория знаний, 2020.

Михайловская, Шамков 1979 – Михайловская К.Н., Шамков М.И. Мальчик на главную роль. М.: Детская литература, 1979.

Проскурин 2019 – Проскурин С. Отрок. М.: Деловой двор, 2019.

Ширвиндт 2018 – Ширвиндт М.А. Мемуары двоечника. М.: Э, 2018.

Цивилев 2020 – Цивилев К.Г. Муравей: рассказы про бедное советское детство. М.: Издательские решения, 2020.

Раззаков 2017 – Раззаков Ф.И. Наше лучшее детство. М.: Алгоритм, 2017.

ПМА 1 – Полевые материалы автора. Экспедиция в г. Рязань, февраль 2020 г. (информанты: Т.А. Аристова, 1973 г.р.; А.А. Балабанова, 1973 г.р.; А.М. Борисов, 1971 г.р.; С.Н. Ефремов, 1972 г.р.; В.В. Костылева, 1970 г.р.; Н.Н. Красицкая, 1969 г.р.; О.В. Макарова, 1973 г.р.; С.Ю. Муравьев, 1973 г.р.; Д.В. Реснянский, 1971 г.р.; Е.В. Шиварева, 1968 г.р.).

ПМА 2 – Полевые материалы автора. Экспедиции в г. Кострому, март–июнь 2020 г. (информанты: А.А. Антонова, 1966 г.р.; Н.Н. Голышева, 1968 г.р.; Т.И. Ефремова, 1958 г.р.; В.Ю. Киселев, 1973 г.р.; А.С. Крупина, 1970 г.р.; Н.И. Молоторенко, 1973 г.р.; О.С. Молоторенко, 1971 г.р.; В.С. Околов, 1972 г.р.; О.В. Печкур, 1971 г.р.; Л.И. Рагулина, 1966 г.р.; Л.Н. Сейидова, 1968 г.р.; В.А. Ситникова, 1960 г.р.; Н.А. Смирнова, 1972 г.р.; У.Ю. Титова, 1967 г.р.; Е.А. Шушунина, 1959 г.р.).

ПМА 3 – Полевые материалы автора, г. Москва, ноябрь–декабрь 2020 г., январь 2023 г. (информанты: В.А. Бабкова, 1958 г.р.; Н.И. Бурова, 1970 г.р.; И.А. Гинц, 1973 г.р.; О.В. Голованова, 1970 г.р.; М.В. Епремян, 1966 г.р.; С.В. Ермошина, 1973 г.р.; А.Е. Илюхин, 1967 г.р.; М.Г. Корнеева, 1973 г.р.; А.А. Маляренко, 1970 г.р.; О.В. Макарова, 1955 г.р.; Е.В. Нельзина, 1968 г.р.; А.Е. Манохина, 1970 г.р.; К.И. Пикалёва, 1960 г.р.; А.К. Подгорная, 1961 г.р.; М.П. Сысоева, 1961 г.р.; В.В. Таныгина, 1960 г.р.; С.В. Удод, 1971 г.р.; М.Б. Филимонов, 1954 г.р.).

ПМА 4 – Полевые материалы автора. Экспедиция в г. Краснодар, май 2020 г. (информанты: Е.В. Литвинцева, 1973 г.р.; Г.С. Самойлова, 1957 г.р.).

Научная литература

Арапова П.И. Нарративное интервью как метод исследования внешкольной повседневности советских школьников // Сибирский педагогический журнал. 2018. № 5. С. 29–38. <https://doi.org/10.15293/1813-4718.1805.03>

Баранов Д.А. Образы вещей (о некоторых принципах семантизации) // Антропологический форум. 2005. № 2. С. 212–227.

Белик А.А. Экономическая антропология в конце XX – начале XXI в.: экономика дара // Экономический журнал. 2013. № 1 (29). С. 38–45.

Богданов К.А. Жевательная резинка, ленинградские подростки и товарный фетишизм в условиях развитого социализма // Антропологический форум. 2015. № 25. С. 69–90.

Бодрийяр Ж. Общество потребления. Его мифы и структуры. М.: Культурная революция; Республика, 2006.

Васькин А.А. Повседневная жизнь советской столицы при Хрущеве и Брежневе. М.: Молодая гвардия, 2017.

Головин В. “Биржа фантиков”: детские игровые деньги // Фетиш и табу: антропология денег в России. М.: ОГИ, 2013. С. 241–255.

Иванова А.С. Магазины “Березка”: парадоксы потребления в позднем СССР. М.: НЛЮ, 2017.

Кудряшёв А.В. Жевательная резинка в контексте повседневности советских школьников (по материалам периодических изданий 1960–1970-х гг.) // Вестник ПСТГУ. Серия IV, Педагогика. Психология. 2020. Вып. 56. С. 57–73. <https://doi.org/10.15382/sturIV202056.57-73>

Куприянов Б.В. Воспитание XXI в.: экзистенциальная вспышка приключения // Народное образование. 2011. № 9. С. 249–255.

Куприянов Б.В., Кудряшёв А.В. Борьба советских пионеров с хулиганами по материалам “Пионерской правды” 1950-х – 1960-х гг. // Электронный на-

- учно-образовательный журнал “История”. 2021. Т. 12. № 4 (102). <https://doi.org/10.18254/S207987840014386-3>
- Лебина Н.Б. Повседневность эпохи космоса и кукурузы: деструкция большого стиля, Ленинград 1950–1960-е годы. СПб.: Книга; Победа, 2015.
- Лебина Н. Пассажиры колбасного поезда: этюды к картине быта российского города: 1917–1991. М.: НЛЮ, 2019.
- Орлов И.Б., Попов А.Д. Олимпийский переполох: забытая советская модернизация. М.: ИД ВШЭ, 2020.
- Осорина М.В. Секретный мир детей в пространстве мира взрослых. СПб.: Питер, 2020.
- Рахманкулова Д.Р. Вещь как мера культуры человека. Автореф. дис. ... канд. филос. наук. Нижегородский гос. педагогический ун-т. Нижний Новгород, 2005.
- Рейли Д.Д. Советские бэйби-бумеры: послевоенное поколение рассказывает о себе и о своей стране / Пер. с англ. Т. Эйдельман. М.: НЛЮ, 2015.
- Синицын Ф.Л. Эпоха Брежнева: советский ответ на вызовы времени, 1964–1982. М.: Вече, 2022.
- Турьгин А.А., Миновская О.В. Идеи педагогики приключений в трудах российских педагогов-новаторов первой четверти XX в. // Вестник Костромского государственного университета. Серия, Педагогика. Психология. СоциокINETика. 2017. Т. 23. № 4. С. 218–222.
- Ципурский Г. “Комсомолу приходится объявить беспощадную и решительную войну против всех типов стилей”. Политика в отношении “вестернизированной” молодежи в Советском Союзе при Н.С. Хрущеве // Новейшая история России. 2013. № 3. С. 55–83.
- Якимова Е.В. Социальная солидарность в ракурсе западной социальной психологии (аналитический обзор) // Социологический ежегодник, 2011 / Ред. и сост. Н.Е. Покровский, Д.В. Ефременко. М., 2011. С. 69–94.

Research Article

Kupriyanov, B.V. Chewing Gum in the Life World of Soviet Children in the 1960s–80s (Reconstruction Based on Modern Memories) [Zhevatel'naia rezinka v zhiznennom mire sovetskikh detei 1960–1980 godov (rekonstruktsiia po sovremennym vospominaniiam)]. *Etnograficheskoe obozrenie*, 2023, no. 6, pp. 192–210. <https://doi.org/10.31857/S086954152306012X> EDN: MPAOAT ISSN 0869-5415 © Russian Academy of Sciences © Institute of Ethnology and Anthropology RAS

Boris Kupriyanov | <http://orcid.org/0000-0002-1041-6056> | bvkupriyanov@yandex.ru | Moscow City University (4 Vtoroy Selskohoziastvenny proezd, Moscow, 129226, Russia)

Keywords

USSR, Soviet Union, Soviet childhood, chewing gum, oral history, memoirs

Abstract

Among the few niches left by isolated but fundamental studies of chewing gum in the everyday life of Soviet children (works by K. A. Bogdanov, V. V. Golovin, A.V. Kudryashev), ideas about the specific role of this confectionery product, depending on the child's place of residence, his gender and social environment, deserve special attention. An attempt to clarify the boundaries of the application of the fetishization construct to the interpretation of the role of chewing gum in the life world of a Soviet child was carried out on the basis of 50 semi-structured narrative-

oriented interviews conducted in Kostroma, Krasnodar, Moscow, Ryazan in 2020, and memoirs about childhood in the USSR by six authors. The results of the study confirm the exceptional subjective significance of chewing gum, its functioning as an object of commodity exchange. At the same time, there is a more widespread practice of gratuitous donation of this confectionery by children. Adventurous practices of criminal acquisition of delicacies in the 1960s–70s were localized in the cities becoming the centers of international tourism and seaports of the USSR; in Moscow, teenage boys who already had a marginal status were involved in these practices. A significant part of Moscow schoolchildren distanced themselves from adventurous entrepreneurship out of conviction or out of fear. For children who lived far from the territories covered by international communications, fetishization was significantly limited by the unavailability of chewing gum – the lack of children’s ability to purchase it independently.

Funding Information

Russian Science Foundation, <https://doi.org/10.13039/501100006769> [grant no. 23-28-00651]

References

- Arapova, P.I. 2018. Narrativnoe interv'iu kak metod issledovaniia vneshkol'noi povsednevnosti sovetskikh shkol'nikov [Narrative Interview as a Research Method for Studying the Out-of-School Everyday Life of Soviet Schoolchildren]. *Sibirskii pedagogicheskii zhurnal* 5: 29–38. <https://doi.org/10.15293/1813-4718.1805.03>
- Baranov, D.A. 2005. Obrazy veshchei (o nekotorykh printsipakh semantizatsii) [Images of Things (On Some Principles of Semantization)]. *Antropologicheskii forum* 2: 212–227.
- Belik, A.A. 2013. Ekonomicheskaiia antropologiia v kontse XX – nachale XXI v.: ekonomika dara [Economic Anthropology at the End of the 20th – the Beginning of the 21st Century: Gift Economics]. *Ekonomicheskii zhurnal* 29 (1): 38–45.
- Bodriiia, Z. 2006. *Obshchestvo potrebleniia. Ego mify i struktury* [The Consumer Society Myths and Structures]. Moscow: Kul'turnaia revoliutsiia; Respublika.
- Bogdanov, K.A. 2015. Zhevatel'naia rezinka, leningradskie podrostki i tovarnyi fetishizm v usloviakh razvitogo sotsializma [Chewing Gum, Leningrad Teenagers and Commodity Fetishism in the Conditions of Developed Socialism]. *Antropologicheskii forum* 25: 69–90.
- Golovin, V. 2013. “Birzha fantikov”: detskie igrovye den'gi [“The Exchange of Candy Wrappers”: Children’s Play Money]. In *Fetish i tabu: antropologiia deneg v Rossii* [Fetish and Taboo: Anthropology of Money in Russia]. 241–255. Moscow: OGI.
- Ivanova, A.S. 2017. *Magaziny “Berezka”: paradoksy potrebleniia v pozdnem SSSR* [Shops “Berezka”: Paradoxes of Consumption in the Late USSR]. Moscow: Novoe Literaturnoe Obozrenie.
- Kudryashyev, A.V. 2020. Zhevatel'naia rezinka v kontekste povsednevnosti sovetskikh shkol'nikov (po materialam periodicheskikh izdaniia 1960–1970-kh gg.) [Chewing Gum in the Context of Everyday Life of Soviet Schoolchildren (Based on the Materials of Periodicals of the 1960s – 1970s.)]. *Vestnik Pravoslavnogo Sviato-Tikhonovskogo humanitarnogo universiteta. Seriia IV, Pedagogika. Psikhologiia* 56: 57–73. <https://doi.org/10.15382/sturIV202056.57-73>
- Kupriyanov, B.V. 2011. Vospitanie XXI v.: ekzistentsial'naia vspyshka prikliucheniia: ekzistentsial'naia vspyshka prikliucheniia [Education of the 21st Century: An Existential Flash of Adventure]. *Narodnoe obrazovanie* 9: 249–255.
- Kupriyanov, B.V., and A.V. Kudryashyov. 2021. Bor'ba sovetskikh pionerov s khuliganami po materialam “Pionerskoi pravdy” 1950-kh – 1960-kh gg. [The

- Struggle of Soviet Pioneers with Hooligans Based on the Materials of the “Pioneer Truth” of the 1950s – 1960s]. *Elektronnyi nauchno-obrazovatel'nyi zhurnal “Istoriia”* 12/4 (102). <https://doi.org/10.18254/S207987840014386-3>
- Lebina, N.B. 2015. *Povsednevnost' epokhi kosmosa i kukuruzy: destrukttsiia bol'shogo stilia, Leningrad 1950–1960-e gody* [Everyday Life of the Epoch of Space and Corn: The Destruction of the Grand style, Leningrad 1950–1960s]. St. Petersburg: Kniga; Pobeda.
- Lebina, N. 2019. *Passazhiry kolbasnogo poezda: etyudy k kartine byta rossiiskogo goroda: 1917–1991* [Passengers of the Sausage Train: Sketches for a Picture of the Life of a Russian City: 1917–1991]. Moscow: Novoe Literaturnoe Obozrenie.
- Orlov, I.B., and A.D. Popov. 2020. *Olimpiiskii perepolokh: zabytaia sovetskaia modernizatsiia* [Olympic Commotion: The Forgotten Soviet Modernization]. Moscow: Izdatel'skii dom Vysshei shkoly ekonomiki.
- Osorina, M.V. 2020. *Sekretnyi mir detei v prostranstve mira vzroslykh* [The Secret World of Children in the Sof the Adult World]. St. Petersburg: Piter.
- Rakhmankulova, D.R. 2005. *Veshch' kak mera kul'tury cheloveka* [Thing as a Measure of Human Culture]. PhD diss. Abstract, Nizhegorodskii gosudarstvennyi pedagogicheskii universitet.
- Raleigh, D.D. 2015. *Sovetskie beibi-bumery: poslevoennoe pokolenie rasskazyvaet o sebe i o svoei strane* [Soviet Baby Boomers: The Post-War Generation Talks about Themselves and Their Country], translated by T. Eidelman. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie.
- Sinitcyn, F.L. 2022. *Epokha Brezhneva: sovetskii otvet na vyzovy vremeni, 1964–1982* [The Brezhnev Era: The Soviet Response to the Challenges of Time, 1964–1982]. Moscow: Veche.
- Tsipursky, G. 2013. “Komsomolu prikhoditsia ob'iavit' besposhchadnuiu i reshitel'nuiu voinu protiv vseh tipov stiliag'. Politika v otnoshenii “vesternizirovannoi” molodezhi v Sovetskom Soiuze pri N.S. Khrushcheve [“The Komsomol Needs to Announce a Merciless and Decisive War to All Kinds of Stiliagi”: Managing Westernized Youth in the Soviet Union under Khrushchev]. *Noveishaia istoriia Rossii* 3: 55–83.
- Turygin, A.A., and O.V. Minovskaia. 2017. *Idei pedagogiki priklucheniia v trudakh rossiiskikh pedagogov-novatorov pervoi chetverti XX v.* [Ideas of Adventure Pedagogy in the Works of Russian Teachers-Innovators of the First Quarter of the 20 Century]. *Vestnik Kostromskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriia, Pedagogika. Psikhologiya. Sotsiokinetika* 23 (4): 218–222.
- Vaskin, A.A. 2017. *Povsednevnaia zhizn' sovetskoi stolitsy pri Khrushcheve i Brezhneve* [Everyday Life of the Soviet Capital under Khrushchev and Brezhnev]. Moscow: Molodaia gvardiia.
- Yakimova, E.V. 2011. *Sotsial'naia solidarnost' v rakurse zapadnoi sotsial'noi psikhologii (analiticheskii obzor)* [Social Solidarity from the Perspective of Western Social Psychology (Analytical Review)]. *Sotsiologicheskii ezhegodnik, 2011*, edited by N. Pokrovskii and D. Efremenko, 69–94. Moscow.